

ВОЕННАЯ КАРЬЕРА И ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ НА КАВКАЗЕ: СЛУЧАЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Т.А. ШИПШЕВА

Д.Н. Прасолов

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы общественной деятельности кабардинца Темирхана Шипшева, достигшего на русской службе звания генерал-лейтенанта. Военная карьера способствовала формированию весомого социального капитала, который с выходом в отставку был использован для разносторонней общественно-политической деятельности. Активно осуществляя посредничество между народами Нальчикского округа и коронной администрацией, Т.А. Шипшев стал влиятельной фигурой в масштабах Терской области. Противоречивые последствия его деятельности иллюстрируются разнообразными источниками и неоднозначными историографическими интерпретациями. Вступив в конфликт с окружной администрацией, препятствовавшей его инициативам, опираясь на кабардинскую военно-служилую элиту, Т.А. Шипшев последовательно мобилизовывал общественное мнение не только для продвижения своих ходатайств, но и для смещения мешавших ему в их реализации людей: от сельских старшин до начальника Нальчикского округа. В политической культуре кабардинцев он стал одним из наиболее неординарных лидеров имперского периода в истории Кабарды. В своей практике он опирался на съезд доверенных — представительный орган кабардинцев и балкарцев, который обеспечивал ему публичную постановку актуальных проблем поземельных отношений, местного самоуправления, судостроительства, просвещения и т.д. Деятельность Т.А. Шипшева сочетала отстаивание частных интересов, служебное верноподданническое рвение, умелое выстраивание патрон-клиентских отношений, настойчивость в стремлении к престижному представительству общественных интересов земляков с нередко сомнительными методами в их достижении, балансирующими на грани допустимого и неприемлемого в специфической сфере кавказского управления во второй половине XIX–начале XX в.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, Кавказская война, Кабардинский округ, Нальчикский округ, Терская область, местное самоуправление, съезд доверенных.

Прасолов Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, зав. сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская республика, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2, dmprasolov@gmail.com.

MILITARY CAREER AND PUBLIC ACTIVITY AS A FACTORS OF SOCIAL EXCLUSION IN THE CAUCASUS: CASE OF THE LIEUTENANT GENERAL T.A. SHIPSHEV

D.N. Prasolov

Abstract. The main stages of social engagement of Temirkhan Shipshev, Kabardinian, who had reached the rank of the lieutenant-general in the Russian service are considered in the article. The military career promoted to the formation of the powerful social capital, which had been used for versatile social and political activity after leaving the army. Actively carrying out mediation between the people of the Nalchik district and crown administration, T. Shipshev became an influential figure of the Tersky region. The contradictoriness of his work is illustrated by various sources and ambiguous historiographical interpretations. Having entered the conflict with the district administration interfering his initiatives, leaning on Kabardian military elite, T. Shipshev consistently mobilized public opinion not only for promotion of the petitions, but also for removal of those who disturbed him in their realization: from rural foremen to the chief of the Nalchik district. In the political culture of Kabardians he became one of the most extraordinary political figures of the imperial period of history of Kabarda. In his deeds, he leaned on a congress of entrusted – representative bodies of Kabardians and Balkars which provided him public statement of current problems of the land relations, local government, judicial system, education, etc. T. Shipshev's activity combined upholding of private interests, office faithful eagerness, skillful forming of "boss-client" relations, persistence in aspiration of prestigious representation of public interests of his countrymen, and, quite often, doubtful methods in their achievement teetering on the brink of the admissible and unacceptable in the Caucasian management in the second half of 19th – the beginning of the 20th century.

Keywords: Kabardians, Balkars, Caucasian war, Kabardian district, Nalchik district, Tersky region, local government, congress of entrusted.

Prasolov Ditriy N., Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Sector of Ethnology and Ethnography, Institute for Humanitarian Research - Branch of the Federal State Budget Scientific Institution "Federal Scientific Center" Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2, Balkarova, Nalchik, Kabardino-Balkaria Republic, 360003, Russia, dmprasolov@gmail.com.

Интеграция народов Кавказа в состав Российской империи создала неординарные социокультурные условия, под влиянием которых из представителей коренного населения формировалось немало особенных героев. Широкий контекст и событийная последовательность причудливого сплетения карьерных успехов Семена Атарщикова, как проводника, а затем борца с утверждением России на Кавказе подробно разобраны в книге М. Ходарковского [Ходарковский, 2016]. Хрестоматийным примером двойственной идентичности горца на российской службе в период Кавказской войны стал Муса Кундухов. Прогрессировавшая противоречивость личных мотивов и имперской реальности на Кавказе привели его с генеральской должности в российской армии на роль одного из вдохновителей драматического переселения мусульман Терской области в Османскую империю [Кундухов, 2013; Приложение..., 1936; Дегоев 2003b; Дегоев, 2003a, с. 233–254; Дзагурова, 2012, с. 96–124; Урушадзе, 2016, с. 145–147].

Иначе сложилась карьера младшего современника М. Кундухова кабардинца Темирхана Шипшева (1830–1905 гг.). Как участник военно-политических процессов на Северном Кавказе он эволюционировал не только в своей социальной практике, но и уже после ухода из жизни – в качестве противоречивого коммеморативного образа.

В исторических репрезентациях Т. Шипшев многополярен. Диапазон оценочных суждений включает его разноплановые характеристики как обладателя самого высокого воинского звания и примерных доблестей среди кабардинцев на российской военной службе [Брацун, 2016]; образованного и вдумчивого критика проблем горского населения в исследованиях общественной мысли Северного Кавказа [Кумыков, 1996, с. 117–121; Кумыков, 2003, с. 227–231]. В социально-политической истории он характеризуется как влиятельный общественный деятель Нальчикского округа конца XIX–начала XX в., добившийся расширения ответственности окружных властей [Дышеков, 2001, с. 82–85]. Устная народная традиция представляет его исполнительным и безжалостным проводником колониальной политики. Не без влияния фольклорной демонизации в контексте постколониальных оценок трагических для адыгов событий завершающего этапа Кавказской войны, Т. Шипшев рассматривается как однозначно негативная фигура в галерее кабардинцев, содействовавших имперскому покорению Северо-Западного Кавказа [Алоев, 2018, с. 44].

Цель настоящей статьи состоит в обобщении карьерной истории Т. Шипшева и характеристике широкого спектра оценок его вклада в развитие политической культуры кабардинцев в конце XIX–начале XX в. с привлечением новых источников.

Карьера будущего генерала началась с окончанием в 1847 г. Второго кадетского корпуса. В марте 1867 г. майор Масловский, старший член Комиссии по наделению землю в частную собственность «разных лиц из кабардинцев, во внимание к их заслугам и происхождению», отмечал, что в не очень длинном списке «кабардинцев, воспитывавшихся в кадетских корпусах, кавказских гимназиях и нальчикском горском училище, мы поражаемся тем фактом, что все дети, находившиеся и находящиеся на воспитании правительства, были или круглые сироты (полковника

Кайсын Анзорова, князя Кази и Измаил Атажукины, Барак Анзоров, сын известного Магомет-Мирзы Анзорова и друг.), или дети таких родителей, которые не имели ни малейшего значения между своими соотечественниками (Шуган — отец майора Безорукова, Актола — отец подполковника Шипшева)» [УЦГА АС КБР, ф. 40, оп. 1. д. 10а, л. 18 об. – 19]. Отмеченное обстоятельство, вполне вероятно, усугубляло социальное отчуждение, неизбежно возникавшее в Кабарде в отношении тех, кто поступал на службу в царскую армию. Но эти же факторы позволяют предположить возможные причины более высокой мотивации последующего карьеризма Т. Шипшева, который стремился извлечь максимальные выгоды, самоутверждаясь в своей традиционной среде через карьерные успехи на российской военной службе.

В 1858 г. в числе других кабардинцев на русской службе он получил следующую рекомендацию: ротмистры Кошероков, Джембеков и штабс-ротмистр Шипшев «по их образованию и тем понятиям, которые они получили при долговременном нахождении в России — будут весьма полезными офицерами для службы... а по обличению своему с родными и единоплеменниками — произведут самое благодетельное влияние в крае» [УЦГА АС КБР, ф. 2, оп. 1, д. 413, л. 17]. С учреждением военно-народного управления в числе российских офицеров горского происхождения Т. Шипшев стал выдвигаться и на административные посты. В 1860–1861 гг. он занимал должность начальника Черекского участка Кабардинского округа [УЦГА АС КБР, ф. 2, оп. 1, д. 467, л. 28]. В 1863–1864 гг. он возглавлял Шапсугский округ. Фольклорная память соотечественников, впечатленная его усердием в покорении закубанских адыгов, воплотилась в песню «Генерал Шипшев». В ней он предстаёт инициатором поголовного истребления целых селений, не исключая детей, кошмарные видения которых, согласно песенному сюжету, преследовали его до самой смерти [Кабардинский фольклор, 1936, с. 427–428]. Архивные источники не содержат подобных подробностей. В 1896 г. сам Т. Шипшев отмечал как свою заслугу перед правительством организованное им в 1863 г. по поручению графа Евдокимова переселение 63 тыс. шапсугов в Турцию, которые «были выселены ... без всякого насилия» [Шипшев, 2014, с. 544–545].

Служебное рвение Т. Шипшева вполне соответствовало условиям, при которых формализация верноподданнического усердия на завершающем этапе Кавказской войны становится этикетной особенностью военной культуры кабардинцев и балкарцев, служивших в российской армии. Свидетельством этому является ходатайство группы офицеров из Кабардинского округа, поданное 28 января 1864 г. на имя начальника Терской области М. Т. Лорис-Меликова. Документ, оформленный на русском и арабском языках, содержал ясно выраженные намерения: «Осведомившись, что Чечня волнуется, Большая и Малая Кабарда просят дозволить им быть в передовых войсках для усмирения непокорных. У кого есть конь и оружие, все готовы идти. Мы будем счастливы, если удостоверитесь приказать нам явиться с нашими всадниками доказать нашу кровью признательность за попечения, коим мы осчастливлены Вашею о нас заботливостью» [УЦГА АС КБР, ф. Р-1209, оп. 14, д. 20, л. 3–5]. Затруднительно оценивать, насколько массовыми были эти настроения,

но под обращением подписались более 20 представителей кабардинской и балкарской аристократии, обладавших российскими воинскими званиями.

За развитием своей военно-административной карьеры, Т.А. Шипшев не оставлял без внимания и преобразования, происходящие в Кабарде, особенно касающиеся его частных владельческих интересов. В 1865 г. очередным этапом земельной и административной реформы стало укрупнение аулов, которое лишало Шипшевых статуса аульных владельцев. В секретном распоряжении начальника Терской области начальнику Кабардинского округа от 14 марта 1865 г. сообщалось: «проживающий ныне в Большой Кабарде состоящий по кавалерии майор Шипшев толками, распускаемыми им в населении Кабарды, старается возбудить в народе недоверие к правительственным распоряжениям и неповиновение приказаниям власти по переселению аулов». В качестве меры по нейтрализации нежелательного влияния Т. Шипшева предлагалось организовать его служебный вызов во Владикавказ. При этом отмечалось: «вообще между владельцами аулов в Кабарде есть несколько личностей, старающихся возбудить в народе противудействие к расселению и склоняющих его к уходу в Турцию». Согласно распоряжению, этим лицам могло быть разрешено переселение только при условии, что им «воспрещено будет не только брать с собою холопов, но даже и продавать или дарить их кому бы то ни было, но что холопы таких лиц будут освобождены и только по освобождении их владельцы получают разрешение и билет на следование в Турцию» [УЦГА АС КБР, ф. 2, оп. 1, д. 739, л. 18–19].

Получив очередное повышение по службе, подполковник Т. Шипшев, в 1866 г. представил убедительную записку об общественной значимости своей фамилии [УЦГА АС КБР, ф. 40, оп. 1, д. 10а, л. 5–7об.]. Руководствуясь мотивом социально-статусного самосохранения в традиционной этнической среде, он добился получения от правительства обширных угодий, по площади сопоставимых с пожалованиями представителям кабардинских княжеских фамилий. Из 1000 дес., предоставленных в частную собственность Шипшевым, 500 дес. было выделено Темирхану, а оставшаяся земля распределена между его отцом и двумя братьями – Исмаилу и Магомету [ЦГА РСО-Алания, ф. 224, оп. 1, д. 11, л. 14об.].

Продолжая военную службу, Т. Шипшев принимал участие в различных общественно-значимых мероприятиях и ходатайствах в Кабарде. В 1881 г. он подписал ходатайство кабардинских доверенных о пересмотре правил пользования общественными кабардинскими пастбищами [УЦГА АС КБР, ф. 40, оп. 1, д. 209, т. 2, л. 269об.].

В конкуренции за право участия в коронационных мероприятиях Александра III Т. Шипшев получил поддержку начальника округа И.В. Полозова, который ходатайствовал о разрешении полковнику отправиться на три недели в Москву в мае 1883 г. на коронацию третьим представителем от «кабардинского племени... на счет народных сумм во внимание деятельности его на пользу народа». Ему была определена роль ассистента для поднесения «почетной азиатской шашки», на что Т. Шипшев отозвался письменной благодарностью: «Я считаю себе за честь быть ассистентом при поднесении шашки Государю Императору» [УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 2, д. 5, т. 1, л. 16, 27].

В ходе обсуждения в Терском областном правлении изменений порядка пользования Зольскими и Нагорными общественными пастбищами, 3 декабря 1884 г. в качестве «доверенного кабардинского народа» генерал-майор Т. Шипшев представил заявление о необходимости четкого разграничения территории землепользования между Кабардой и балкарскими обществами для предупреждения конфликтов и ущерба кабардинскому коневодству и скотоводству [УЦГА АС КБР, ф. 40, оп. 1, д. 536, л. 146–148об.].

В 1888 г. Т. Шипшев участвовал в торжественной встрече во Владикавказе императорской семьи, путешествующей по Кавказу. В.А. Потто, описывавший эту встречу, писал: «Во главе кабардинской депутации находился генерал-майор Шипшев, — представитель одной из старейших дворянских фамилий Черкесии. В минувшую войну он командовал казачьим полком и заслужил георгиевский крест» [Потто, 1889, с. 43]. При обращении в Александру III старейшего представителя кабардинцев Э. Анзорова Т. Шипшев выступил переводчиком. Такие церемониальные роли создали основу будущей узнаваемости Т. Шипшева, как представителя местного населения перед лицом самых высокопоставленных особ.

Военная карьера Т. Шипшева была вовсе не безоблачной. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которой он проявил себя в высшей степени героически [Томкеев, 1908, с. 284–287], в Кавказском военно-окружном суде рассматривалось дело по обвинению полковника Шипшева в злоупотреблениях по службе, связанных с необоснованным представлением своих подчиненных к боевым наградам. В числе награжденных упоминался и его брат Измаил. Однако, получив поддержку командовавшего Кавказской армией кн. Святополк-Мирского, посчитавшего «неудобным» предавать суду заслуженного боевого офицера, Т. Шипшев был оправдан [Дело..., 1879]. Впоследствии он с благодарностью упоминал своего патрона в числе лучших представителей российской власти на Кавказе [Шипшев, 2014, с. 543].

Таким образом, находясь на российской службе в экстремальных условиях завершающего этапа Кавказской войны в Западной Черкесии и Закавказского театра русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Т. Шипшев усвоил принципы военной и политической культуры России. В 1892 г. он вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта с ежегодной пенсией 2 625 руб. [УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 1, д. 264, л. 1]. В 1893 г. Т. Шипшев и члены его семьи были включены в списки потомственных дворян неказачьего сословия [Казаков, 2017, с. 534]. Достигнутые статусные характеристики, значительный материальный достаток и связи во власти, накопленные в ходе армейской службы, позволили ему полностью сосредоточиться на региональных гражданских делах.

С 1892 г. Т. Шипшев выступил организатором комиссий, ходатайствовавших о разнообразных нуждах кабардинцев и балкарцев. Их первыми инициативами стали пересмотр правил пастбищного землепользования и предполагали восстановление порядка, действовавшего до принятия правил пользования общественными кабардинскими землями, утвержденных в 1890 г. [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 52, д. 509, л. 14]. В 1893 г. была начата разработка проекта о преобразовании

Нальчикской горской школы в Реальное училище [ЦГА РСО-Алания, ф.12, оп.3, д.1305, л. 11–11об.].

После неоднократных устных обращений к кавказскому начальству в 1896 г. Т. Шипшев подготовил серию обстоятельных «памятных записок», которые в некоторых фрагментах повторяли друг друга. Одна из них в июне 1896 г. поступила начальнику Терской области. По ее содержанию с ревизией в Нальчикский округ был направлен генерал-майор К. Гунниус [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 349, л. 49об.–50].

В ноябре 1896 г. на имя военного министра была представлена памятная записка «О современном состоянии горского населения Терской области», которая содержала обзор наиболее острых проблем и перечень предложений по нормализации взаимодействия империи и северо-кавказской периферии в организации управления, судопроизводства, образования и т.д. [Антология, 2014, с. 538–556]. Записка Шипшева создала информационный повод для резонансной публикации К. Хетагурова со статьей «Горские штрафные суммы», перепечатанной «Санкт-Петербургскими ведомостями» [Хетагуров, 2000, с. 127–128, 454; Цаллагов, 1983, с. 145–146].

В критическом отношении к кавказским властям в «Памятной записке» Т.Х. Кумыков увидел свидетельство того, что Т. Шипшев «отошел от своих колониальных убеждений, которые он активно реализовывал, принимая участие в Кавказской войне» [Проблемы..., 2001, с. 187]. Однако из содержания документа явствует, что генерал-лейтенант в большей степени руководствовался мотивами личностного роста в сфере военно-гражданского управления Нальчикским округом. В содержании ходатайства «колониальные» заслуги офицеров из числа кавказских народов преподносились как убедительное доказательство тезиса о том, что «принадлежность чиновника-офицера к управляемому им народу или племени не только не сбивает его с почвы законных отношений его к своему служебному долгу, с почвы общего начала нравственности и справедливости, но, напротив, укрепляет его в этих началах, если он туземец, стоит на высоте своего интеллигентного развития». Т. Шипшев был убежден, что «при туземных окружных начальниках и атаманах отделов не могли развиваться и быть изданы такие неудачные административные правила как пресловутое «Временное положение о мерах для удержания туземного населения Терской области от хищничества и в особенности от всяких насилий против лиц нетуземного населения» 1884 г. [Антология, 2014, с. 544–545], дискриминационно ужесточившие ответственность сельских обществ по принципу круговой поруки.

Одним из центральных пунктов «Памятной записки...» стали обвинения в адрес окружной администрации в беспорядочном распоряжении Кабардинской общественной суммой. Автор сетует на то, что «действительно интеллигентных кабардинцев, лиц с образованием, имеющих понятие об арифметике и счетоводстве как например, генералов, командовавших полками и людей, независимых по своему положению, почему то не приглашает начальник для ревизии суммы, а считает удобным удостоверить нормальное состояние кабардинской суммы «мухурами» (именными печатями) безграмотных ревизионеров» [Антология, 2014, с. 552].

Среди множества других конструктивных предложений о реформировании Горских словесных судов, наведении порядка в пользовании значительными пастбищными и лесными общественными угодьями, расширении доступа местного населения в средние учебные заведения, ясно прослеживается неудовлетворенность Шипшева отсутствием официальных возможностей использования его личного потенциала в региональном управлении. Помимо этого не могли не сказаться и другие личностные мотивы.

В 1894 г. из частновладельческой земли отставного генерал-лейтенанта было отрезано около 20 дес. под строящуюся дорогу Нальчик-Котляревская [Темукуев, 2008, с. 261–262]. В 1895 г. Т. Шипшев не получил поддержки Нальчикского горского словесного суда в споре с братом Магометом на единоличное распоряжение землей и движимым имуществом своих подопечных – малолетних детей брата Исмаила [ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, д. 76, л. 19]. Тогда же он подключает студента-юриста Магомет-Гирея Шипшева, своего совершеннолетнего старшего племянника, к организации исков и жалоб в вышестоящие судебные и административные инстанции. В ходе судебного разбирательства были установлены неформальные манипуляции опекунским процессом: генерал-лейтенант демонстративно «изъявлял Суду, что он отказывается от опекунского управления, но тем не менее г. Шипшев, как выяснилось на суде, при своем влиянии на дело опеки в среде своих родственников и других жителей лишил Суд возможности в выборе и назначении вместо него другого опекуна из опасения столкновения с ним» [ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, д. 76, л. 44 об.–45].

В 1896 г. постановлением Нальчикского горского словесного суда Т. Шипшев был признан виновным в растрате значительной части имущества его несовершеннолетних опекунов, – наследников И. Шипшева. Оправдание, что средства ушли на строительство мечети в память умершего брата, судом не было признано уважительным [ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, д. 76, л. 49–49об.].

Престижное общественное положение, значимое неформальное влияние и самомнение, уязвленное невозможностью отстоять свои политические амбиции и меркантильные интересы, вызвали недовольство Т. Шипшева действиями окружной администрации и суда. Этим, на наш взгляд, было спровоцировано его стремление не только сменить персональный состав суда, но и преобразовать принципы его организации, «восстановив» несуществующий обычай выбирать по одному депутату от Атажукинской с Мисостовской и Бекмурзинской с Кайтукинской фамилий, соответственно. В ноябре 1896 г. Т. Шипшевым вместе с князьями А.-Г. Мисостовым, К. Докшукиным и другими представителями Бекмурзинской и Кайтукинской фамилии предпринят ходатайство о введении «фамильного» представительства депутатов в Нальчикском Горском словесном суде. [ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, д. 1318, л. 35–35об.]. Интересно, что предложенные меры были призваны восстановить достаточно архаичный принцип политической организации Кабарды, действовавший до окончательного включения в состав Российской империи. Предложенная реорганизация была отвергнута начальником Терской области [УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 1, д. 349, л. 2–3], что только усилило решимость отставного генерал-лейтенанта.

Как представитель третьего по значимости кабардинского дворянского сословия «дигенуго», Т. Шипшев не типичный лидер для политической культуры кабардинцев. Российские воинские звания со второй половины XIX в. в административно-политической практике и официальном делопроизводстве предоставляют более престижные позиции, чем традиционные сословные статусы. Даже княжеская верхушка уступала лидерские позиции, если она не имела достижений по военной службе. Руководя общественной инициативой с позиций военно-служилого старшинства, Т. Шипшев представляет собой политического лидера новой формации, меняющей традиционную политическую культуру, ориентированную на первенство княжеского сословия. Организуя князей, Т. Шипшев действовал вразрез с традиционной сословной субординацией. При этом он придавал особую важность тому, чтобы в ходатайствах у него были официальные полномочия, оформленные приговором съезда доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пятигорских (балкарских) обществ. Это был самобытный представительный институт окружного общественного самоуправления. С 1860 г. регулярно, не менее одного раза в год, начальник округа созывал в Нальчике представителей селений, делегированных сельскими сходами. Съезд доверенных избирал депутатов окружного суда и народного кадия (главу мусульман округа), лесничего, поземельных депутатов, и выполнял разнообразные хозяйственно-распорядительные функции. Не являясь земскими органами, съезды доверенных обеспечивали возможность регулярного участия представителей кабардинцев и балкарцев в регламентации пастбищного и лесного землепользования, распоряжения Кабардинской общественной суммой, предоставления стипендий, выделения средств на Нальчикскую горскую школу. Причем, даже в период разделения в 1888–1905 гг. Большой и Малой Кабарды административными границами Нальчикского округа и Сунженского отдела, доверенные малокабардинских сельских обществ продолжали участвовать в нальчикских съездах доверенных, а их избиратели пользовались Зольскими и Нагорными пастбищами, средствами общественного капитала и обращались к правосудию в Нальчикский Горский словесный суд.

Не добившись перемен в окружном суде, в декабре 1896 г. Т. Шипшев попытался организовать оформление приговора, уполномочивающее его на представительство общественных интересов. Однако делалось это не через официальное собрание в Нальчике, а неформально: «генерал Шипшев чрез своих клиентов начал собирать этих доверенных у себя и разными способами, как например угощениями, намеками на свои близкие отношения к высокопоставленным лицам и т.п. стал склонять доверенных составить приговор об уполномочии его на возбуждение разных ходатайств о пользах и нуждах народа», при этом «тайно давались обещания о возвращении разных прежних порядков и об освобождении от налогов». Для уговаривания были привлечены два отставных генерала-майора из дворянских сословий – Т. Алтудов и Ж. Жамбеков [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 349, л. 51].

Об изменении методов мобилизации общественной активности Т. Шипшева начальник Нальчикского округа Д. Вырубов писал: «После целого ряда памятных

записок, представленных им высшему начальству без уполномочия, получение такого полномочия от кабардинского народа, естественно, стало настоятельно необходимым для отставного генерала Шипшева, и вот, не разбирая средств и путей, составляется впервые за все мое управление округом такое уполномочие, как приговор, подписанный 58 доверенными от селений Большой Кабарды и приложенный к памятной записке Его Сиятельству командующему войсками, от 4 апреля 1897 г.» [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 52, д. 509, л. 10]. Эти документы положили начало новому ходатайству об отмене неправильного отчуждения Атажукинского сада у кабардинского общества в пользу Нальчикской слободы. Приговор 58-ми доверенных от Большой Кабарды, которые составляли немногим более половины обычного состава окружного съезда доверенных, уполномочивал генералов Шипшева, Алтудокова и Жамбекова ходатайствовать по заявленному вопросу «где они найдут это нужным». В документе утверждалось, что в середине 1860-х гг. казенный сад при Нальчикской слободе был передан князю Атажуко Атажукину, а затем передан его потомками кабардинскому обществу за долги общественной сумме [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 52, д. 509, л. 33–36]. Проведенное в 1897 г. расследование установило, что документы о передаче нальчикского казенного сада в собственность А. Атажукину так и не были оформлены. Передача сада в счет долга во владение обществу также не была подтверждена казначеем Кабардинской общественной суммы Х. Тавкешевым [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 52, д. 509, л. 19] и опекуном наследников А. Атажукина А. Урусбиевым [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 52, д. 509, л. 21]. Тем не менее это ходатайство Т. Шипшева положило начало длительному разбирательству в различных судебных инстанциях между кабардинским обществом и Нальчикской слободой [Баев, 1905, № 342], которое доходило даже до Сената, но и так и не получило окончательного разрешения до начала 1917 г.

Новый этап энергичной деятельности Т. Шипшева осуществлялась в системе разнорядковых политических координат: через приговоры доверенных он пытался мобилизовать общественное мнение традиционного общества против представителей коронной администрации. Этим объясняется сочетание официальных, документально оформленных обращений с ненормативным методом формализации своих представительских полномочий и использование неформальных каналов коммуникации, основанных на слухах. Их утопичность была прямо пропорциональна общественным ожиданиям, что только усиливало интерес малограмотной массы к действиям отставного генерал-лейтенанта. По показаниям лояльного властям полковника К. Куденетова, распространяемая весной 1897 г. от имени Т. Шипшева «программа» сводилась к следующему: «1) большинство денежных повинностей взыскиваться не будет; 2) народу будет разрешено носить всюду и беспрепятственно оружие; 3) будет отменено распоряжение о снятии шапок в присутственных местах; 4) будет отменено взыскание платы за лес, вывозимый на продажу, и уничтожена десятикопеечная плата за пользование запасными пастбищами; 5) с администрации будут взысканы сотни тысяч рублей, расхищенных из кабардинских капиталов и розданы жителям; 6) земли, находящиеся в горах, будут отображены от владельцев и розданы населению; 7) все власти окружные будут сосланы,

а начальник области удален от должности; 8) народу возвращены будут все те старые права, которыми он раньше пользовался до присоединения края к России» [Цит. по: Дышеков, 2001, с. 83].

Относительную поддержку эта инициатива получила только в Большой Кабарде, подложный приговор отказались подписывать доверенные Малой Кабарды и в балкарском обществе. В последнем «агенты» Шипшева пытались добиться доверенности для него, запугивая различные слои общества слухами: «таубиев — отобранием у них земель, а простой народ тем, что его не выпустят на плоскость и прекратят возможность сбывать свои произведения в Нальчике» [ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, д. 1318, л. 36–38]. Общественное брожение обострило давние внутренние конфликты и привело к ходатайствам балкарцев об удалении от должности старшины таубия А. Айдебулова. Согласно рапорта начальника Нальчикского округа, в мае 1897 г. отказ старшины «составить приговор на полномочие Шипшева ходатайствовать по всем делам, и в том числе и о земле, вызвали негодование жителей, которые увидели в этом защиту таубиями своих личных земельных интересов и как старшина, так равно и все его сторонники стали в глазах общества его врагами религиозными отступниками, так как мусульманское духовенство поставило вопрос на религиозную почву, убеждая народ стать на сторону мусульманина Шипшева, поддерживать его против неверных — русских» [ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, д. 1318, л. 18об]. Старшина Балкарского общества писал в рапорте, что «беспорядки ... происходят вследствие давления на общество посторонних лиц, пользующихся некоторым влиянием в Нальчикском округе и интригующих против бывшего начальника округа полковника Вырубова. Чтобы возбудить народ, лица эти убедили его, что отнимут у частных собственников земли и передадут их в общее пользование» [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 34, д. 488, л. 102–103]. По мнению Б. Темукуева, именно генерал-лейтенант Т. Шипшев стал «катализатором скандала, всколыхнувшим Балкарское общество» [Темукуев, 2008, с. 294]. И хотя никаких незаконных действий А. Айдебулова не подтвердилось, он был смещен с должности без наложения взысканий [Темукуев, 2008, с. 586].

Очевидно, общественная активность не пользовалась всеобщей поддержкой и у многих его соотечественников вызывала обеспокоенность. В июне 1897 г., подводя итоги расследованию беспорядков в Нальчикском округе, инспирированных Т. Шипшевым, начальник Терской области С. Каханов иронично заметил, что отставной генерал «пользуется настолько расположением кабардинцев, что при одной только вести, что он и без выбора кабардинцев будет назначен депутатом в С. Петербург для принесения Их Императорским величествам поздравления с бракосочетанием, ко мне явилась депутация почетных и вполне преданных правительству кабардинцев с просьбою не посылать генерала Шипшева помимо желания народа». Далее Каханов высказывал озабоченность тем, что «пребывание генерала Шипшева в Кабарде неминуемо вызовет беспорядки, если он не прекратит свою подпольную деятельность не перестанет вмешивать народ в свои вечные неудовольствия» [ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, д. 1318, л. 39–40].

Опасная общественная активность «в подстрекательстве кабардинцев к подаче разного рода жалоб», побудила кавказские власти начать негласный надзор за действиями Т. Шипшева. Было установлено, что в мае 1897 г. в ходе «курсового лечения» на брагуновских горячих источниках, Т. Шипшев встречался с местными жителями и в ходе тайной беседы по-кабардински через переводчика Б. Исакова вел разговор о «стеснениях, которые терпят мусульмане в России и о необходимости им переселяться в Турцию. Шипшев говорил, что кабардинцы многие записались и собираются переселиться и что его избрали уполномоченным по этому делу» [УЦГА АС КБР, ф. Р-1209, оп. 10, д. 6. л. 12]. По итогам расследования начальник Терской области обратился к Кавказскому главнокомандующему за распоряжением «о прекращении преступной деятельности отставного генерал-лейтенанта Шипшева во избежание беспорядков, подобно происходящим в Нальчикском округе вверенной мне области от подстрекательств названного отставного генерала» [УЦГА АС КБР, ф. Р-1209, оп. 10, д. 6. л. 13]. В этом сюжете напрашиваются сравнения с М. Кундуховым, показавшим личный пример мухаджирства. Однако, несмотря на спекуляции Т. Шипшева по поводу неудовлетворительного религиозного самочувствия мусульман Терской области, не известно свидетельств о его готовности личным примером увлечь соотечественников в Турцию. Все его материальные и политические интересы были связаны с Нальчикским округом, поэтому представляется очевидным, что в своей брагунской поездке Т. Шипшев манипулировал общественным мнением, пытался продемонстрировать масштабы своего влияния, с целью оказания давления на власти Терской области. И это отчасти удалось. В 1897 г. на начальника Терской области поступила жалоба в Сенат на злоупотребления за аресты сторонников Шипшева К. Докшокова и М.-М. Тохтамышева. Оценивая сложившуюся ситуацию, С. Каханов писал, что «в туземцах вселилось убеждение в совершенном бесправии местной администрации, включая и начальника Области, налагать на них какие-либо взыскания, а в самой администрации неуверенность в своих распоряжениях и исключительная забота о том, как бы не превысить свою власть» [Дышеков, 2001, с. 86–87].

М.В. Дышеков оценивает как «несомненную» победу Шипшева отстранение в ноябре 1897 г. от должности начальника Нальчикского округа Д. Вырубова [Дышеков, 2001, с. 82–86]. Между тем, как смещение Айдебулова, так и Вырубова не носило характера наказания, а являлось удалением объектов критики Т. Шипшева и его сторонников с целью прекращения волнений. Вырубов был переведен на аналогичную должность в соседний Владикавказский округ. А. Айдебулова позже вновь занял пост главы Балкарского общества. Генерал-лейтенант С. Каханов в 1899 г. возглавил 1-й Туркестанский армейский корпус.

Несмотря на все намерения региональной администрации привлечь Т. Шипшева к ответственности, никаких данных об этом не известно. Явственным результатом его деятельности стала организация финансовых проверок [УЦГА АС КБР, ф. И-6, оп. 1, д. 349, л. 22, 81], причем он сам регулярно входил в комиссию по ревизии расходов Кабардинской общественной суммы в 1899 г. [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 13, д. 594, л. 8–9] и 1902–1903 гг. [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 13, д. 705, л. 2].

Напоминая обстоятельства рассмотренных событий, в 1905 г. газета «Каспий» писала: «Дерзновение даже генерал-лейтенанта, подавшего записку о нуждах народа, было неслыханным, возмутило начальство окружное и областное до глубины души, и пошла писать губерния! Тотчас-же, конечно, заподозрили истинную подкладку невинного ходатайства генерала, начались розыски его сторонников, и лица, которые по ходу дела дали ему в дальнейшем общественные приговоры на проведение уже официально его начинаний, — бесцеремонно и без разбора сажались под арест начальником округа, хотя многих по их привилегированному положению (служба в офицерских чинах и оттуда русское дворянство) он и арестовывать то не имел права.

Но дело поднял не простой смертный, какой-либо оглы или Петров и Иванов, а как-никак генерал-лейтенант, и замять его обычными способами не удалось. В Нальчик был командирован знакомый нам Дм. Ив. Одинцов и, к чести его, в данном деле он проявил полное беспристрастие, подивился спокойному, полному достоинства, настроению бунтовщиков-сторонников генерала Ш. и о всем деле сделал такой доклад, что даже бывший главноначальствующий для успокоения разрешил образовать особую из выбранных кабардинцами лиц комиссию, на которую и возложил проверку всего кабардинского общественного хозяйства» [П., 1905, № 221].

Постановка актуальных проблем окружного самоуправления и энергичные действия по усилению общественного контроля через выборных доверенных отражали тенденцию, проявившуюся на рубеже XIX–XX вв. в среде образованных кавказцев с ростом этнического самосознания и зарождением идей этнонациональной консолидации [Гатагова, 2016, с. 146–157]. Т. Шипшева можно отнести к главным вдохновителям и деятелям этого движения, вполне лояльного самодержавию, но не подконтрольного кавказским властям. Обращения от имени кабардинского общества, инициированные в 1890-х гг., во многом предвосхитили «приговорное движение», которое распространилось у многих народов Терской области в период первой российской революции 1905–1907 гг. [Джиоева, 2009].

Революционные события 1905 г. пробудили политическую активность кавказских народов, продемонстрировав, что у их лидеров сложилась достаточно развитая политическая культура, сочетающая не только либеральные ценности, но и представления о легальных средствах обеспечения национального политического, экономического и культурного развития. В августе 1905 г. увенчалось успехом ходатайство доверенных от сельских обществ Малой Кабарды по административному воссоединению с Нальчикским округом [ЦГА РСО-Алания, ф. 224, оп. 1, д. 145, л. 14–19; УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 1, д. 668, л. 38]. Личная роль Т. Шипшева в этом не прослеживается, но его деятельность косвенно способствовала этой консолидации в рамках действующей системы самоуправления, основанной на Съезде доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ.

Революционные события 1905 г. и восстановление наместничества на Кавказе внушали оптимизм интеллигенции народов Северного Кавказа, связанный с надеждой либерализации местного самоуправления. Об ожидаемости этих перемен

свидетельствовало то, что в начале XX в. пример регулярной деятельности съездов доверенных в Нальчикском округе стал одним из аргументов в продвижении проекта введения земств у народов Терской области [Баев, 1901]. 75-летний генерал-лейтенант Т. Шипшев вновь возглавил ходатайство, основные положения которого были изложены в памятной записке, поданной 29 августа 1905 г. в Кисловодске кабардинской делегацией заместителю на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову. Обращение содержало предложения по расширению существующего порядка самоуправления в Нальчикском округе на основе съездов доверенных. В их числе: «предоставить кабардинскому народу право самому устанавливать порядок пользования Высочайше пожалованною общественною пастбищною Горною и Зольскою землею и лесом, принять из рук администрации кабардинскую общественную сумму для создания кабардинского банка с сельскохозяйственным складом... предоставить кабардинскому народу право собираться по мере необходимости: а) не один раз в год, б) приглашать для обсуждения дел почетных стариков и сведущих лиц, в) обсуждать все вопросы, предлагаемые самим обществом» [УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 1, д. 673, т. 2, л. 140–140об.].

При рассмотрении обращения вновь возникли проблемы с тем, что депутатией не было «представлено доверенности, уполномочивающей генерала Шипшева на возбуждение приведенного ходатайства», поэтому штаб Кавказского военного округа предписал через начальника Терской области вынести сначала этот вопрос на обсуждение съезда доверенных [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 13, д. 804, л. 1об]. Приговор по этому поводу был оформлен только 23 декабря 1905 г. [УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 1, д. 673, т. 2, л. 135об.]. Тем не менее, документ, поданный И.И. Воронцову-Дашкову, еще осенью 1905 г. прошел все уровни обсуждения по кавказским инстанциям. 3 октября 1905 г. из штаба Кавказского военного округа распорядились начальнику Терской области, «чтобы нальчикская окружная администрация не препятствовала доверенным обсуждать вопросы, касающиеся хозяйственных нужд населения» [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 13, д. 804, л. 2].

Едва ли случайным совпадением стала публикация в газете «Каспий» 13 и 17 ноября 1905 г. статьи, в которой под заголовком «Старая история» воспроизводились основные события прежней борьбы Т. Шипшева со злоупотреблениями окружной администрации, но уже с оптимистичным эпилогом: «одно утешает нас, что теперь настает конец всем этим безобразиям, что минуло то время, когда под видом закоренелых конокрадов и т.д. высылались из области все неугодные лица и выселялись целые селения. Радует, что, верно, минуло время массовых переселений в Турцию, куда еще в этом году переселилось до 2000 семей, кажется, из Малой Кабарды.

Радует, что кабардинцам предстоит светлое будущее со введением земского самоуправления, так как они имеют все источники для ведения широкого земского хозяйства» [П., 1905, № 222].

Окружные власти совершенно иначе понимали последствия новой инициативы Т. Шипшева, прямо расценивая ее как неприемлемую и даже угрожающую

русской власти на Кавказе. Излагая свое мнение о «Памятной записке» Кавказскому наместнику И. Воронцову-Дашкову, начальник Нальчикского округа М. Страхов 20 октября 1905 г. высказал все многолетнее раздражение властей, накопленное в связи с деятельностью отставного генерал-лейтенанта. В очень эмоциональном рапорте он докладывал начальнику Терской области: «Я не могу согласиться с изменением хотя бы в чем-либо этих сборов доверенных. Заверить могу Ваше Превосходительство, что жалобщик, возбудивший эти вопросы, давно потерял доверие народа своего и потому домогается всякими нелегальными путями играть какую-либо роль.

Возбуждать эти вопросы в Кабарде я считаю не только излишним, но и вредным. При даровании Кабарде права собираться когда угодно, где угодно и обсуждать какие угодно вопросы, — какую же роль отведут администрации, ответственному однако за все малейшее органу?

Если до настоящего времени Кабарда относительно спокойна, то это благодаря хотя какому-либо престижу администрации и ее неусыпной бдительности ко всякому пустяку, ко всякой мелочи. Отнимите это и я не поручусь, что любой из этих ратаев, якобы за благо своего народа, поднимет этот народ и поставит его под зеленое знамя пророка. Кто же тогда будет ответственным, когда у администрации будут отняты все способы следить за агитаторами и наоборот будет им дано право проводить свои идеи так как они пожелают.

Во благо этого лучшего из туземцев на Северном Кавказе народа и на пользу общего дела, весьма ходатайствую пред Вашим Превосходительством, сделать соответствующее представление Его Сиятельству Наместнику на Кавказе и не допустить до деморализации народа из-за фантазии и уязвленного самолюбия одного из наиболее ненадежных и всегда не прочных кабардинцев, которого успокоить не может ни нажитое состояние, ни солидные чины, приобретенные на русской службе...

Отставной генерал Шипшев дошел даже до того, что собирал у себя, по циркулярным повесткам представителей всей Кабарды, якобы для обсуждения вопросов о плодовых бычках, подаренных графом Наместником кабардинскому народу. Я, конечно, этого безобразия не допустил, ибо допусти я это сегодня по поводу подарка, завтра они будут собраны под знамя пророка, как мусульмане, исконные враги христиан, а ответственным буду я. Отвечать же за это я не хочу не потому только, что я начальник округа, но и потому, что я русский и верноподданный Государя моего, и, следовательно, как стоящий близко к делу, обязан сказать так, как это и делаю» [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 13, д. 804, л. 5об.-6об.].

Здесь упоминание исламского фактора представляется далеко не случайным средством усиления аргументации Страхова, свидетельствующим как сильно беспокоило коронную администрацию возможность религиозной мобилизации мусульманского населения, под предлогом дискриминации, которую использовал в

1897 г. Шипшев. Хотя в его последующей деятельности исламистская риторика уже не прослеживалась.

Возможно, не случайно, при таком резком неприятии последняя общественная инициатива Т. Шипшева нашла лишь запоздалое понимание у вышестоящих кавказских властей. Весной 1908 г. в переписке штаба Кавказского военного округа и начальника Терской области была допущена возможность расширения регламента окружного представительного органа в Нальчикском округе при сохранении «установившегося порядка сбора доверенных» [УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 1, д. 725, т. 2, л. 92–92об.]. Главнокомандующий войсками округа «высказал мнение, чтобы на этих собраниях было разрешено доверенным обсуждать и другие вопросы, вне программы, при условии, что поднятые вопросы будут вполне законны и касаться исключительно нужд населения» [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 13, д. 803, л. 2]. Однако к тому времени Т. Шипшев уже скончался (точная дата его смерти не установлена), что стало формальным поводом в 1908 г. его последнее обращение оставить без последствий [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 18, д. 804, л. 8об.].

Продолжением летней петиции 1905 г. должны были стать новые постановления съезда доверенных, которые, судя по переписке, были не допущены к рассмотрению начальником округа. В упомянутом выше рапорте Страхова высказывалось предположение, что к памятной записке Кавказскому наместнику имел непосредственное отношение Магомет-Гирей Шипшев – первый среди кабардинцев дипломированный юрист, действовавший «по настоянию своего дяди» [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 13, д. 804, л. 5об.]. На съезде доверенных 20–23 декабря 1905 г. М.-Г. Шипшев безуспешно попытался вынести на обсуждение новое ходатайство, черновик которого сохранился в переписке: «Мы, кабардинцы и горцы, собравшись общественным сходом в слободу Нальчик 23 декабря 1905 г., требуем немедленного осуществления начал, возвещённых Манифестом 17 октября 1905 г., а также требуем прав послать ввиду исключительных исторических национальных и бытовых условий жизни кабардинского и горского народа, своего депутата в Государственную думу» [УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 1, д. 673, т. 2, л. 141].

Испытанные методы неформальной мобилизации – оформление приговоров вне общего собрания в присутствии окружных властей, жалоба начальнику области на препятствия, чинимые съезду доверенных Страховым [УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 1, д. 673, т. 2, л. 135–139], – не принесли ожидаемых результатов. Смещение действующего начальника округа произошло из-за «бунта в Нальчике», произошедшего в конце декабря 1905 г. и вызванного не революционными событиями, как преподносила советская историография [Мужев, 1955, с. 67], а неспособностью Страхова обеспечить безопасность и правопорядок в слободе и округе в условиях разгула разбоев в Терской области [Горец, 1905; Хомгоро, 1906].

Нельзя не отметить, что влияние Т. Шипшева содействовало и карьерам его родственников. Зять генерала – Султанбек Клишбиев, первым из кабардинцев в 1910 г. стал начальником Нальчикского округа [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 4, д. 802, л. 7].

Племянник – Магомет-Гирей Шипшев за счет стипендии Кабардинской общественной суммы обучался в Московском императорском университете [УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 1, д. 197, т. 2, л. 200]. Впоследствии он продолжил начинания своего дяди, неоднократно обращался к властям, но уже с персональными заявлениями и проектами по земельным, административно-судебным и др. общественным вопросам. В 1911 г. съездом доверенных «для упорядочения кабардинского хозяйства» М.-Г. Шипшев был избран помощником юрисконсульта Кабардинского народа с ежегодным жалованьем 1000 р. [ЦГА РСО-Алания, ф. 11, оп. 13, д. 943, л. 133]. В 1914 г. он был избран юрисконсультом с жалованием 2000 р. после увольнения по семейным обстоятельствам Б. Шаханова [УЦГА АС КБР, ф. 6, оп. 1, д. 891, л. 16, 201]. В 1915 г. этим полномочиям был придан официальный статус начальником Терской области.

Таким образом, по итогам военной карьеры и общественной деятельности Т. Шипшев предстает разноплановой исторической личностью, чья деятельность создала ему очень противоречивую репутацию среди современников. Основой его деятельности было традиционное для политической культуры кабардинцев посредничество, которое, в силу сложившихся за годы военной службы статуса и связей отставного генерала, было выведено на более высокий уровень представительства общественных интересов. В диалоге с администрацией он выступал своеобразным переводчиком актуальных запросов, транслируя национальные и корпоративные потребности своего народа высшим уровням административной иерархии в Российской империи. Ключевым институтом, средством в политической деятельности Т. Шипшева выступал съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. Нередко нарушая правила составления общественных приговоров, манипулируя голосами общественных доверенных, Шипшев настойчиво добивался расширения автономии и функций окружного представительного органа. Можно по-разному оценивать результативность этих усилий, но повышение значимости этого института в общественной жизни кабардинцев и балкарцев на рубеже XIX–XX вв. невозможно отрицать.

Неформальные методы формализации представительских полномочий Т. Шипшева, выявленные административными расследованиями, влекли за собой не суровые санкции, а сдерживающие меры в виде неофициального полицейского надзора. Генеральский статус организатора не позволял оставлять без внимания его обращения и предоставлял определенный иммунитет его действиям, вызывая возрастающее раздражение окружной администрации и многих земляков. Трудно не заметить, что общественный активизм отставного генерала не только консолидировал, но и множил конфликты в кабардинской и балкарской среде, между местным населением и окружным начальством, наконец, дискредитировал руководство Нальчикского округа и Терской области. В результате он оказался в положении прогрессирующего социального отчуждения, снискав репутацию «беспокойного старика», страдающего непомерными амбициями. Не удивительно, что естественный отбор в исторической памяти кабардинцев сохранил экспрессивно негативный образ генерала, связанный с его злодеяниями в последние годы Кавказской войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алоев Т.Х. «Искусство быть неподвластным»: к завязке «мятежнической вспышки» кабардинцев 1868 г. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1. С. 29–45.

Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2014. 624 с.

Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. Кн. XVI. 1901. № 4. С. 85–103.

Баев Г. Присоединение Малой Кабарды к Большой // Пятигорский листок. Пятигорск, 1905. № 336, 337, 342, 343.

Брацун Е. Традиции адыго-казачьего боевого сотрудничества: генерал Т.А. Шипшев. URL: <http://www.proza.ru/2016/04/17/2164> (дата обращения – 10 июня 2018 г.).

Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.

Горец Е. История одного бунта // Северный Кавказ. Ставрополь, 1905. № 85.

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: Русская панорама, 2003а. 512 с.

Дегоев В.В. Генерал Муса Кундухов: история одной иллюзии // Звезда. 2003б. № 11. С. 151–162.

Дело полковника Темир-Хан Шипшева в Кавказском военно-окружном суде // Кавказ. 1879. № 275, 276.

Джигоева Р.А. Эволюция менталитета крестьянства Северной Осетии в революции 1905 – 1907 гг. (по материалам приговорного движения). Автореф. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009. 22 с.

Дзагурова Г.Т. Осетины в войнах России. Владикавказ: Алания, 2012. 254 с.

Дышеков М.В. Трансформация традиционной элиты Кабарды и Балкарии во второй половине XIX–начале XX в. Дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 2001. 204 с.

Дышеков М.В. Общественно-политическая деятельность генерал-лейтенанта Т.А. Шипшева в Кабарде (80–90-е гг. XIX в.) // Сборник научных трудов молодых ученых Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик: КБГУ, 2000. С. 241–245.

Кабардинский фольклор / Общ. ред. Г.И. Бройдо. М.-Л.: Academia, 1936. 651 с.

Казачков А.В. Шипшев Темирхан Актолович // Черкесы на российской государственной и военной службе. Середина XVI – начало XX в.; Историко-документальные очерки. Нальчик: Тетраграф, 2017. С. 26–33.

Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX–начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. 327 с.

Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX–начале XX вв. Нальчик: Эльбрус, 2002. 444 с.

- Кундухов М.А. Мемуары. Владикавказ: Изд.-пол. пред-ие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.
- Мужев И.Ф. 1905 г. в Кабарде. Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1955. 88 с.
- П. Старая история // Каспий. Баку. 1905. № 220, 222.
- Потто В.А. Царская семья на Кавказе 18 сентября–14 октября 1888 года. Тифлис, 1889. 228 с.
- Приложения к мемуарам ген. Муса-Паши Кундухова // Кавказ. 1936. № 4/28. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Kunduchov_2/biogr.htm (дата обращения – 10 июня 2018 г.).
- Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сб. документов. Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик: Эльбрус, 2001. 496 с.
- Темукуев Б.Б. Балкарская общественная колесная дорога. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. 672 с.
- Томкеев В.И. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. В 7 т. / Под ред. И.С. Чернявского. Тифлис, 1908. Т. 4. 410 с.
- Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII–середина XIX вв.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 280 с.
- Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Ф. 2. Оп. 1. Д. 413, 467, 739.
- УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 197, 264, 349, 668, 673, 725, 891.
- УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 5. Т. 1.
- УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 349.
- УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 10а, 209, 536.
- УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 20.
- УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 10. Д. 6.
- Хетагуров К.Х. Горские штрафные суммы // Хетагуров К.Х. Полное собрание сочинений в 5-ти томах. Т.4. Владикавказ, 2000. С. 126–130.
- Ходарковский М. Горький выбор. Верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М.: НЛО, 2016. 232 с.
- Хомгоро. Слоб. Нальчик // Пятигорье. Пятигорск, 1906. № 518.
- Цаллагов В.Н. Публицистика Коста Хетагурова. Орджоникидзе: Ир, 1983. 223 с.
- Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания). ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 4. Д. 802.
- ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 594, 705, 803, 804, 943.
- ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 18. Д. 804.
- ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 34. Д. 488.
- ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 509.
- ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 76, 1305, 1318.
- ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 11, 145.

Шипшев Т.А. Памятная записка о современном состоянии горского населения Терской области // Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2014. Том. 16. С. 538-556.

REFERENCES

Aloev T.H. "Iskusstvo byt' nepodvlastnym": k zavjazke "mjatezhnicheskoj vspyshki" khabardincev 1868 g. ["Art to be not subject": to a tie of "myatezhnichesky flash' of Kabardians of 1868], in *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij*. 2018. № 1. Pp. 29–45 (in Russian).

Antologija pamjatnikov prava narodov Kavkaza. T. 16. Zavershenie Kavkazskoj vojny i formirovanie juridicheskogo prostranstva Rossijskoj imperii na Severnom Kavkaze [Anthology of monuments of the right of the people of the Caucasus. T. 16. Completion of the Caucasian war and formation of legal space of the Russian Empire in the North Caucasus]. Rostov na-Donu: Izd-vo SKAGS, 2014. 624 p. (in Russian).

Baev G. O vvedenii zemskogo samoupravlenija v Terskoj oblasti [About introduction of territorial self-government in the Tersky region], in *Kavkazskij vestnik*. Kn. XVI. 1901. № 4. Pp. 85–103 (in Russian).

Baev G. Prisoedinenie Maloj Kabardy k Bol'shoj [Small Kabarda's joining to Big], in *Pjatigorskij listok*. Pjatigorsk, 1905. № 336, 337, 342, 343 (in Russian).

Bracun E. *Tradicii adygo-kazach'ego boevogo sotrudnichestva: general T.A. Shipshev* [Traditions of the Adygo-Cossack fighting cooperation: general T.A. Shipshev]. Available at: <http://www.proza.ru/2016/04/17/2164> (accessed 10 June 2018) (in Russian).

Gatagova L.S. *Severnyj Kavkaz v jepohu pozdnej imperii: priroda nasilija. 1860–1917* [The North Caucasus during an era of the late empire: violence nature. 1860–1917]. M. Novyi Hronograf, 2016. 448 p. (in Russian).

Gorec E. Istorija odnogo bunta [History of the one revolt], in *Severnyj Kavkaz*. Stavropol', 1905. № 85 (in Russian).

Degoev V.V. *Bol'shaja igra na Kavkaze: istorija i sovremennost'. Stat'i, ocherki, jesse* [A big game in the Caucasus: history and present. Articles, essays]. M.: Russkaya panorama, 2003a. 512 p. (in Russian).

Degoev V.V. *General Musa Kunduhov: istorija odnoj illjuzii* [General Moussa Kundukhov: history of one illusion], in *Zvezda*. 2003b. № 11. Pp. 151–162 (in Russian).

Delo polkovnika Temir-Han Shipsheva v Kavkazskom voenno-okruzhnom sude [Case of the colonel Temir-Khan of Shipshev in the Caucasian military district court], in *Kavkaz*. 1879. № 275, 276 (in Russian).

Dzhioeva R.A. *Evoljucija mentaliteta krest'janstva Severnoj Osetii v revoljucii 1905–1907 gg. (po materialam prigovornogo dvizhenija)* [Evolution of mentality of the peasantry of North Ossetia in revolution of 1905–1907 (based on the materials of the verdict movement)]. Avtoref. ... kand. ist. nauk. Vladikavkaz, 2009. 22 p. (in Russian).

- Dzagurova G.T. *Osetiny v vojnah Rossii* [Ossetians in wars of Russia]. Vladikavkaz: Alania, 2012. 254 p. (in Russian).
- Dyshekov M.V. *Transformacija tradicionnoj jelity Kabardy i Balkarii vo vtoroj polovine XIX–nachale XX v.* [Transformation of traditional elite of Kabarda and Balkaria in the second half of XIX–the beginning of the 20th centuries]. Diss. kand. ist. nauk. Nal'chik, 2001. 204 p. (in Russian).
- Dyshekov M.V. Obshhestvenno-politicheskaja dejatel'nost' general-lejtenanta T.A. Shipsheva v Kabarde (80–90-e gg. XIX v.) [Social and political activity of the lieutenant general T.A. Shipshev in Kabarda], in *Sbornik nauchnyh trudov molodyh uchenyh Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collection of scientific works of young scientists of Kabardino-Balkar State University]. Nal'chik: KBGU, 2000. Pp. 241–245 (in Russian).
- Kabardinskij fol'klor* [Kabardian folklore] Ed. G.I. Brojdo. M.–L.: Academia, 1936. 651 p. (in Russian).
- Kazakov A.V. Shipshev Temirhan Aktolovich [Shipshev Temirkhan Aktolovich], in *Cherkesy na rossijskoj gosudarstvennoj i voennoj sluzhbe. Seredina XVI – nachalo XX v.; Istoriko-dokumental'nye ocherki* [Circassians on the Russian state and military service. Mid-16th – early 20th century; Historical and documentary essays]. Nal'chik: Tetragraf, 2017. Pp. 26–33 (in Russian).
- Kumykov T.H. *Kul'tura, obshhestvenno-politicheskaja mysl' i prosveshhenie Kabardy vo vtoroj polovine XIX–nachale XX veka* [Kultur, a social and political thought and Kabarda's education in the second half of XIX–the beginning of the 20th century]. Nal'chik: Jel'brus, 1996. 327 p. (in Russian).
- Kumykov T.H. *Obshhestvennaja mysl' i prosveshhenie adygov i balkaro-karachaevcev v XIX–nachale XX v.* [Social thought and education of Adyghe and balkaro-Karachays in XIX–the beginning of the 20th century]. Nal'chik: Jel'brus, 2002. 444 p. (in Russian).
- Kunduhov M.A. *Memuary* [Memoirs]. Vladikavkaz: Izd.-pol. pred-ije im. V. Gassiyeva, 2013. 92 p. (in Russian).
- Muzhev I.F. *1905 g. v Kabarde* [1905 in Kabarda]. Nal'chik: Kabard. kn. izd-vo, 1955. 88 p. (in Russian).
- P. Staraja istorija [Old story], in *Kaspij*. Baku. 1905. № 220, 222 (in Russian).
- Potto V.A. *Carskaja sem'ja na Kavkaze 18 sentjabrja–14 oktjabrja 1888 goda* [Imperial Family in the Caucasus]. Tiflis, 1889. 228 p. (in Russian).
- Prilozhenija k memuarom gen. Musa-Pashi Kunduhova [Annexes to Memoirs gen. Moussa-Pasha Kundukhova], in *Kavkaz*. 1936. № 4/28. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Kunduhov_2/biog.r.htm (accessed 10 June 2018) (in Russian).
- Problemy Kavkazskoj vojny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoj imperii (20–70-e gg. XIX v.)* [Problems of the Caucasian war and eviction of Circassians in borders of the Ottoman Empire]. Sb. dokumentov. Sost. T.H. Kumykov. Nal'chik: Jel'brus, 2001. 496 p. (in Russian).
- Temukuev B.B. *Balkarskaja obshhestvennaja kolesnaja doroga* [Balkar public wheel road]. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2008. 672 p. (in Russian).

Tomkeev V.I. *Materialy dlja opisanija russko-tureckoj vojny 1877–1878 gg. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre. V 7 tomah* [Materials for the description of the Russian-Turkish war of 1877–1878 on theater Caucasian and Of Asia Minor] / Ed. I.S. Chernjavskogo. Tiflis, 1908. T. 4. 410 p. (in Russian).

Urushadze A.T. *Kavkaz: vzaimodejstvie kul'tur (konec XVIII–seredina XIX v.)* [Caucasus: interaction of cultures (the end of XVIII–the middle of the 19th centuries)]. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU, 2016. 280 p. (in Russian).

Management of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkar Republic (UCGA AS KBR). F. 2. Inv. 1. D. 413, 467, 739.

UCGA AS KBR. F. 40. Inv. 1. D. 10a, 209, 536.

UCGA AS KBR. F. 6. Inv. 1. D. 197, 264, 349, 668, 673, 725, 891.

UCGA AS KBR. F. 6. Inv. 2. D. 5. T. 1.

UCGA AS KBR. F. И-6. Inv. 1. D. 349

UCGA AS KBR. F. R-1209. Inv. 10. D. 6.

UCGA AS KBR. F. R-1209. Inv. 14. D. 20.

Hetagurov K.H. *Gorskie shtrafnye summy* [The mountain penal sums], in Hetagurov K.H. *Polnoe sobranie sochinenij v 5-ti tomah* [Complete works in 5 volumes]. T.4. Vladikavkaz, 2000. Pp. 126–130 (in Russian).

Hodarkovskij M. *Gor'kij vybor. Vernost' i predatel'stvo v epohu rossijskogo zavoevanija Severnogo Kavkaza* [Bitter choice. Fidelity and treachery during an era of the Russian conquest of the North Caucasus]. M.: NLO, 2016. 232 p. (in Russian).

Homgoro. Slob. Nač'chik [Slob. Nalchik], in *Pjatigor'e*. Pjatigorsk, 1906. № 518 (in Russian).

Callagov V.N. *Publicistika Kosta Hetagurova* [Publicism of Costa Khetagurov]. Ordzhonikidze: Ir, 1983. 223 p. (in Russian).

Central State Archive of the Republic Northern Ossetia-Alania (CGA RSO-Alanija) F. 11. Inv. 4. D. 802.

CGA RSO-Alanija. F. 11. Inv. 18. D. 804.

CGA RSO-Alanija. F. 11. Inv. 34. D. 488.

CGA RSO-Alanija. F. 11. Inv. 52. D. 509.

CGA RSO-Alanija. F. 11. Inv. 13. D. 594, 705, 803, 804, 943.

CGA RSO-Alanija. F. 12. Inv. 3. D. 76, 1305, 1318.

CGA RSO-Alanija. F. 224. Inv. 1. D. 11, 145.

Shipshev T.A. *Pamjatnaja zapiska o sovremennom sostojanii gorskogo naselenija Terskoj oblasti* [The memorandum about the current state of the mountain population of the Tersky region], in *Antologija pamjatnikov prava narodov Kavkaza* [Anthology of the monuments of the rights of the peoples of the Caucasus]. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKAGS, 2014. Tom. 16. Pp. 538–556 (in Russian).